

Возвышенное и комическое в образе Владимира Ленского

Л. А. СТЕПАНОВ

Краснодарский пединститут

В критических спорах 1820-х годов широко обсуждался вопрос о взаимодействии комического и возвышенного, высокого и низкого в жизни и искусстве. Обилие комических жанров в поэзии, в драматургии, яркая сатирическая публицистика явились характерной чертой конца XVIII — начала XIX веков.¹ Развитие сатирической литературы продолжалось и в пушкинский период. Отдельные жанры, например, басня, эпиграмма, достигли подлинного расцвета. Однако сфера комического затрагивала только явления «низкой» природы и отделялась от предметов изящных, возвышенных. Их смешение не допускалось эстетическими требованиями. Само понимание низкого касалось, как правило, бытовой житейской прозы.

Г. Гуковский убедительно показал, в чем состояло реалистическое новаторство изображения быта в «Евгении Онегине». В пушкинском романе «быт одновременно и понижен и повышен в своем значении по сравнению с предшествующей ему литературной традицией. Понижен потому, что он лишен значения самостоятельной, отдельной темы и стал фоном главного, «высокого» действия. Повышен потому, что он перестал быть отклонением от нормы высокого, курьезом и случайно-

¹ См., например, книгу Эльсберга Я. Е. «Вопросы теории сатиры», М., 1957; сборники Поэты-сатирики конца XVIII—начала XIX в. Л., 1959; Русская стихотворная пародия (XVIII—начала XIX в.) Л., 1960; Русская эпиграмма (XVIII—XIX вв.) Л., 1958; Стихотворная комедия конца XVIII—начала XIX в., М.—Л., 1964 и др.

стью, а сделался характеристикой действительности, основой типического изображения героев».²

Возможности проявления комического в связи с изменением отношения к быту расширяются. Комически могут теперь изображаться не только предметы и явления, которые прежде входили в сферу сатиры и комедии, но любое, даже возвышенное явление. Владимира Ленского романтики подняли бы на пьедестал. А у Пушкина дается реальная оценка характера на основе художественных принципов, предусматривающих свободное сочетание и взаимодействие комических оценок с другими, вплоть до возвышенных. Именно поэтому тип, находящийся в сфере возвышенных интересов, мыслей и стремлений, который по принципам романтической эстетики должен был пребывать лишь в этой стихии, под пером Пушкина обретает некоторые смешные черты, становится порой объектом, к которому направлена авторская усмешка и даже ирония.

Художественную структуру «Евгения Онегина» характеризует гармоническое соотношение разных стилевых элементов. Эта гармония выражается в том, что стилевое разнообразие находится в стройном соответствии со значением отдельных образов, движением сюжета, авторским отношением к изображаемому. Если говорить о романе в целом, то в нем в составе эпического повествования явно выделяются две главные струи — возвышенно-лирическая и комическая. Наиболее полно взаимодействие комического и возвышенного можно проследить на примере образа Ленского, потому что эта двойственность составляет сущность самого образа.

Черновики свидетельствуют о том, что первоначально Ленский был задуман как тип «мятежника», «крикуна», «геттингенского мечтателя».

Первые черновые варианты существенно отличаются от окончательного текста:

Душой мечтатель геттингенский
Кудрявый пылкий в цвете лет
Крикун, красавец и поэт.

Во втором варианте появляется слово «мятежник»:

Кудрявый школьник геттингенский
Красавец в полном цвете лет
Крикун, мятежник и поэт

(2, VI, 267)³

² Г. А. Гукровский. Пушкин и проблемы реалистического стиля. М., 1957, стр. 152.

³ А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений, т. 6. Изд. АН СССР, М., 1937. Все цитаты из черновых вариантов и окончательного текста приводятся по этому изданию. В скобках указаны последовательно глава, строфа, страница.

Но понятия «школьник» и «мятежник» были явно несовместимы. Отнести Ленского к мятежникам или оттенить поэтическую мечтательность в его образе — вот в чем заключались колебания автора. Известно, что он отдал предпочтение последнему.

На первый взгляд кажется, что политическая тенденция образа в окончательном тексте ослаблена. Но если вспомнить, что в Геттингене получали образование многие декабристы и широкие круги околodeкабристской молодежи, что слово «странный» было в то время почти синонимом слова «вольнодумец», наконец, если учесть, что из трех вариантов: а) неосторожные мечты, б) немного вольные мечты, в) вольнолюбивые мечты (стр. 276) — Пушкин останавливается на последнем, то исключение из текста слов «крикун», «мятежник» не покажется направленным на снижение образа Ленского.

В процессе создания образа Пушкин переходил от одного характера к другому; переключались и ассоциации, связывавшие образ с реальными прототипами. Вопрос: кого писать? — был решен уже во второй главе, и ни на какое снижение его в последующих главах нет и намека.⁴

Вот, например, через какие стадии проходила каждая строка IX строфы прежде, чем попасть в текст:

Черновые варианты	Окончательный текст
Несправедливость, угнетенье	Негодование, сожаленье
робость, клевета и жажда мщенья	
любовь и месть кипели в нем	
И к людям пылкая любовь	
И к ближним пылкая любовь	Ко благу чистая любовь
рождали в нем негодование ненависть и мщенье	
и слава	И славы сладкое мученье
В нем сильно волновали кровь	
В нем робко волновали кровь (Стр. 269)	В нем рано волновали кровь (2. IX)

Эти изменения отражают процесс создания образа Ленского. Тип мятежника уступает место образу юноши, сочувствующего справедливости, близкого декабристам общими иде-

⁴ По наблюдению А. Слонимского («Мастерство Пушкина», М., 1959, стр. 365), «Онегин и Ленский в черновиках II главы почти сливаются. Оба подтянуты к декабристам». Однако почему-то не принято говорить о снижении политического смысла образа Онегина.

алами гуманизма. Однако характер не теряет от этого свойственного ему возвышенного содержания. Создание типа на широкой основе прототипов (называют, в частности, Жуковского, Веневитинова, Кюхельбекера — людей различных политических взглядов и жизненных судеб) позволило Пушкину выразить свое отношение ко многим явлениям русской общественной жизни преддекабристской поры. Поэтому и то возвышенное, благородное начало, которое было общим свойством прогрессивной молодежи, и то, что подлежало отрицанию и осмеянию с высоты пушкинского понимания современного человека, совмещалось в образе Ленского точно так же, как совмещалось в жизни. Поэтому в решении образа мы найдем и характеристику расплывчато-романтических взглядов Ленского («Он верил, что душа родная...» и т. д. (2, VIII), и утверждение возможности конкретного героического порыва (сравнение с Рылевым, Нельсоном, Кутузовым). Этот ход авторской мысли, сближающий Ленского с декабризмом, не раз ощущается в черновых строфах. В первом варианте XVI строфы 2-й главы одним из объектов споров Онегина с Ленским была жизнь царей. Говоря о Ленском-поэте, Пушкин допускал, что «чаще гневною сатирой одушевлялся стих его». А вот как видоизменялась первая строка XXXIV строфы 4-й главы:

В а р и а н т ы	О к о н ч а т е л ь н ы й т е к с т
Поклонник Славы, сын Свободы	Поклонник славы и свободы
Поклонник Славы, друг Свободы	
(стр. 368)	

Эти примеры еще раз подтверждают, что в образе Ленского Пушкин сознательно стремился типизировать черты, свойственные очень широкому кругу носителей преддекабристского общественного сознания. Именно это и заставило его выявить внутри единого образа две тенденции: близость к передовой идеологии времени и «возможность потери идеалов, сползания до уровня обыкновенного существования.

Кто бы ни писал о Ленском, неминуемо останавливается на вопросе о двух возможных вариантах его судьбы. Г. Гуковский, например, считает, что Ленский выведен автором для того, чтобы совершить суд над романтизмом — как уныло-созерцательным, так и романтизмом декабристского направления, над романтическим типом сознания вообще.⁵ Ему представляется несомненным, что Ленского ждал банальный удел.

⁵ Гуковский Г. А. Пушкин и проблемы реалистического стиля. М., 1957, стр. 224—241.

Говоря словами Пушкина, «это немного строго». Стремление видеть в Ленском пушкинский суд над романтизмом приводит исследователя к выводу, что Ленский воплощает в себе разочарование поэта в декабристской романтике.

При анализе образа Ленского в критических работах не раз возникали односторонние оценки. Это касается не только многих современных исследователей, но и старых пушкинистов. Даже виднейшие русские критики заметно расходились в характеристике Ленского.

Белинский рассматривал Ленского главным образом как натуру.⁶ Остановившись на возможности двух путей юноши, он считал реальным второй. Для него Ленский при всех своих неоспоримых достоинствах — «романтик и больше ничего», «характер совершенно отвлеченный, совершенно чуждый действительности». При столкновении с жизнью люди, подобные Ленскому, «перерождаются в совершенных филистеров». Резкость суждения Белинского понятна. Нарастала новая революционная волна, но Ленские не были ее героями. Белинский очень точно заметил: «Ленские не перевелись и теперь; они только переродились».

Герцен и Огарев в центр внимания поставили философскую функцию, политическое значение образа. Для них Ленский — «протест против существующего правительственного порядка вещей» (Огарев), «жертва русской жизни» (Герцен). Герцен пишет об остром страдании Ленского. Говоря о Ленском, Герцен думал о его возможных прототипах, не случайно он рядом с ним ставит Веневитинова. О гибели Ленского Герцен пишет: «Поэт видел, что такому человеку нечего делать в России, и он убил его рукой Онегина... Пушкин сам испугался этого трагического конца; он спешит утешить читателя, рисуя ему пошлую жизнь, которая ожидала бы молодого поэта».⁷

Писарев поддержал резкую оценку Белинского и, доводя ее до крайности, прибавил: «...не вижу я только никаких неоспоримых достоинств в Ленском, не нахожу в нем ничего обаятельно прекрасного и не умею восхищаться девственной чистотой его сердца». Таков «строгий приговор последовательного реалиста».⁸

Примеры подобных колебаний в оценке Ленского можно приводить и далее.⁹

⁶ Белинский В. Г. Полное собрание сочинений. АН СССР, М., 1955, стр. 469—472.

⁷ Герцен А. И. Собрание сочинений в 9 томах, т. 3, М., 1956, стр. 451.

⁸ Д. И. Писарев. Сочинения, т. 3, М., 1956, стр. 334.

⁹ См., например, работы Пыпина, Овсяннико-Куликовского, Бродского, Благого, Томашевского, Эйгеса, Поспелова и др.

Эти «разночтения» требуют еще раз вникнуть в отношение Пушкина к своему персонажу. Заметим сразу: оно не однолинейно. Гуковский прав, когда говорит, что «суть образа Ленского — вообще романтизм как единый принцип культуры».¹⁰ Однако поскольку для Гуковского единственно реальным является «обыкновенный удел» Ленского — пушкинская ирония становится у него определяющей для оценки образа, возвышенное содержание образа рассматривается как предмет иронии. На самом деле поэт осуждает лишь то, что устарело в романтизме. Неправильно считать, что Пушкину, пишущему «Евгения Онегина», совершенно чужда романтика. Критическая направленность романа исходит из развития нового идеала, сохраняющего в себе положительные идеи южного периода творчества. Об этом свидетельствует характер возвышенного лиризма в «Евгении Онегине».

Многими чертами Ленский близок Пушкину. Это объясняет возвышенную трактовку образа юного поэта.

Насколько глубока была тема возвышенного смысла искусства в связи с характеристикой Ленского, мы можем заметить по черновикам. Несколько строф — IXа, IXб, IXв 2 главы посвящены были поэтам, которые «пустыми звуками» сеют «разврат и зло», прямой противоположностью которым является Ленский. В раздумьях по поводу гибели Ленского мотив возвышенного служения поэта звучит в полный голос — поэт рождается для блага мира, он его животворящий глас (6, XXXVII).

Еще в первой главе, отмечая свою разность с Онегиным, Пушкин называет собственные черты, которые роднят его с Ленским: «Я был, рожден для жизни мирной, Для деревенской тишины», «Цветы, любовь, деревня, праздность, поля! я предан вам душой», «Замечу кстати: все поэты любви мечтательной друзья» (I—V, VI, VII).

Близость Ленского Пушкину отразилась также в сходстве отдельных мотивов романа с некоторыми стихотворениями периода южной ссылки (например, «Гроб юноши» — 1821 г.).

Однако уже в стихах этого периода Пушкин дает критическую оценку своим увлечениям, взглядам, настроениям, характерным для 1814—1817 годов (см., например, «Демон» — 1823 г., «Ты прав, мой друг, — напрасно я презрел» — 1822 г. и др.).

По этой же причине возникают комические оттенки в обрисовке Ленского-поэта.

¹⁰ Г. Гуковский. Пушкин и проблемы реалистического стиля. М., 1957, стр. 225.

Образ Ленского — возвышенного поэта созрел в процессе сознательного преодоления Пушкиным первоначального тяготения к изображению сентиментального юноши. В черновой XX строфе 2 главы есть, например, строка: «Потоки слез и слезы вновь», не включенная в окончательный текст.

Интересно сравнить и такие варианты:

Черновик	Текст.
И слезы пеплу посвятил (стр. 297)	И вздох он пеплу посвятил (2, XXXVII)

Под пером Пушкина возникал образ человека «бурного», «кипящего», «восторженного», не чуждого однако печали и уныния.

Много работал Пушкин над строфами, посвященными любви Ленского. В отношении автора к влюбленному Ленскому различаются два оттенка. Сопоставление черновика с печатным текстом убеждает в том, что Пушкин сознательно вводил мотив высокой страсти. Переживания любви изображаются им как начало, возвышающее Ленского. Из текста изгоняются намеки на чувственность, придававшие комический оттенок его переживаниям. Так вариант:

Они над шахматной доской,
Облокотясь нога с ногой,
Сидят задумавшись глубоко.
(стр. 362)

при котором тема шахматной игры и рассеянных зевков Ленского приобретает комедийный характер, трансформируется:

На стол облокотясь, порой,
Сидят задумавшись глубоко
(4, XXVI)

«Улыбкой Ольги ободренный», Ленский смеет иногда не целовать, как допускал автор раньше, а лишь играть развитым локоном Ольги, целует же только край ее одежды. Поэтичность любви наполняет элегии Ленского «истиной живой». Но эта робкая и нежная страсть слишком мечтательна, идеальна, сладка, прекраснотушна; она направлена на объект, несовместимый с высоким идеалом.

Так выявляется второй оттенок в отношении Пушкина к любовному чувству Ленского. Он выражен различными степнями сарказма и иронии: здесь и резкая онегинская реплика, и откровенное пренебрежение автора к портрету Ольги

(«надоел он мне безмерно»), и сожаление по поводу приверженности Ленского к «домашнему кругу» («Мой бедный Ленский сердцем он Для оной жизни был рожден») (4, L).

Прекраснодушие Ленского таково, что даже чувства героев сентиментальных романов кажутся ему слишком смелыми: он не только приносит Ольге книги, как должен был делать по первоначальному замыслу, но сам читает их: ведь там могут оказаться страницы, «опасные для юных дев».

Все это не значит, что влюбленный Ленский рисуется в целом в комическом освещении. Автор даже порой как бы берет под защиту своего героя от возможного иронического отношения к нему читателей. Без тени насмешки он говорит о доверчивой душе Ленского, его простодушии, верности в любви. Он противопоставляет благородную натуру Ленского эгоизму, бездушию и безнравственности света. Возникают строфы: «...Мы почитаем всех нулями, А единицами — себя», «Когда прибегнем мы под знамя Благоразумной тишины...» (2, XIV, XVIII) и др. Их язвительная ирония направлена против тех, кому «чувство дико и смешно».

В этом плане интересно сопоставление реплик Онегина по адресу Ленского с авторским комментарием к их отношениям. Пушкин часто поверяет расплывчатую романтику юноши-поэта сопоставлениями с онегинским взглядом на предметы, занимающие молодых людей. Когда Онегин говорит: «В чертах у Ольги жизни нет» и сравнивает ее с Вандиковой Мадонной или, подшучивая, называет «Филлидой этой», автор на стороне Онегина. Когда Ленский, обиженный пренебрежительным отношением своего друга к семейству Лариных, высокопарно заявляет: «Милее мне домашний круг, Где я могу...», то Пушкин вместе с Онегиным обрывает его: «Опять эклога!» Он также разделяет со своим героем заключение: «Простим горячке юных лет И юный жар и юный бред». Однако «на протяжении всего романа мятежные порывы, надежды, мечты, волнения гордой юности противопоставляются жалкой прозе смирения и покоя, скептицизму «благоразумных» людей, которым была чужда мечта об иной, свободной жизни, чужд пафос борьбы и протеста».¹¹ Поэтому важное значение приобретает противопоставление пламенного энтузиазма Ленского, его поисков возвышенного счастья холодной безразличности Онегина. Восторженность юного поэта сопоставляется с онегинским скептицизмом, и это сравнение часто не в пользу Онегина.

Очень показательны для характеристики взаимодействия

¹¹ Б. С. Мейлах. «Евгений Онегин». В кн. «История русского романа», т. I, АН СССР, М.—Л, 1962, стр. 120.

элементов комического и возвышенного в романе отношение Пушкина к Ленскому накануне и после дуэли. XLV строфа 5 главы, рисуя ревнивое смятение Ленского в разгаре провинциального бала, настраивает читателя на комедийное восприятие образа влюбленного поэта. Возвышенное негодование по незначительному поводу ставит его в комичное положение. Он не в состоянии реально оценить поведение Ольги («Чуть лишь из пеленок... Уж изменять научена!»). Несоответствие отчаянных скоростных выводов («Пистолетов пара, Две пули — больше ничего — Вдруг разрешат судьбу его»), решительных поступков («Выходит, требует коня И скачет») и невинного проступка Ольги делает Ленского смешным. В то время, когда поэт мчался, остужая пылающее гневом лицо, «Оленька зевала» рядом со скучающим Онегиным и искала глазами Ленского, жалея о пропущенном котильоне. А когда Ольга спокойно засыпает, даже не подозревая о состоянии своего жениха, он пишет «развратителю» письмо, которое Пушкин иронически характеризует, как «приятный, благородный. Короткий вызов иль картель».

Остро пушкинского сарказма полна вся сцена вызова и принятия его Онегиным через посредство комического лица — провинциального пошляка и сплетника Зарецкого. Пушкин осуждающим взором следит за разворотом событий, и когда Зарецкий с чувством исполненного долга «привез торжественно ответ», автор с горькой иронией восклицает: «Теперь ревнивцу то-то праздник!» Поступок, который кажется Ленскому благородным и освященным высокой целью, раскрывается в его комической бессмысленности, которая обостряет возможность трагического исхода этого фарса, разыгрываемого Ленским и Онегиным при посредстве пошлого Зарецкого:

Приехать завтра до рассвета,
Взвести друг на друга курок
И метить в ляжку иль в висок
(6, XII)

Встреча с беспечной Ольгой на следующий день вызывает у Ленского сомнения в правильности принятого решения: «Все чувства в Ленском помутились. И молча он повесил нос» (6, XIV). Вчерашний боец готов уже погрузиться в сладкое умиление, но он настолько сжился с мыслью о высокой мести во имя воображаемого идеала, что противится естественному для него порыву раскаяния. Ведь тогда придется отказаться от подвига во имя любви, и он снова возбуждает в себе состояние приподнятой, взвинченной экзальтации ревнивца, кото-

рое вводит его воображение в круг привычных романтических образов:

Он мыслит: «буду ей спаситель.
Не потерплю, чтоб развратитель
Огнем и вздохов и похвал
Младое сердце искушал.
Чтоб червь презренный, ядовитый
Точил лилеи стебелек.
Чтобы двухутренный цветок
Увял еще полураскрытый».

Известное отношение Пушкина к Ольге и к дуэли выявляет комичность этого внутреннего монолога, благодаря которому бездумный порыв Ленского облекается в форму комически опустошенных романтических сравнений: Онегин — «червь презренный, ядовитый», Ольга — «лилеи стебелек». Пушкин дает реалистический перевод этой возвышенной тирады в юмористическом ключе:

Все это значило, друзья:
С приятелем стреляюсь я
(6, XV, XVI, XVII)

Он предупреждает читателя от участия к возвышенной риторике романтического поэта: ведь Ленский, как и Онегин, оказывается «мячиком предрассуждений». Следующая строфа открывается обращенными к Ленскому с упреком строками, полными действительно высокого чувства:

Когда б он знал, какая рана
Моей Татьяны сердце жгла!
(6, XVIII)

Комическая интерпретация образа Ленского возникает у Пушкина в тех случаях, когда он касается тем: Ленский и поэзия, Ленский и действительность.

Основание для комического развития образа дает оторванность молодого поэта от действительности. Поэзия, любовь, природа имеют для него не просто возвышенный, а идеально возвышенный смысл. Возвышенное в восприятии Ленского часто оказывается иллюзорным. Оторванность от жизни осуждается Пушкиным с высоты нового эстетического идеала и возбуждает ироническое отношение. Например, последние стихи Ленского, долженствующие выразить возвышенные чувства, получают ироническую оценку Пушкина не только в прямой характеристике («Так он писал темно и вяло»), но и в

самой пародийной стилизации элегии Ленского, написанной по канонам отживающей поэтики.

Однообразие, туманность, ложный пафос и ложная грусть — вот что осмеивается автором «Онегина». Даже в ночь перед дуэлью он бросает Ленскому упрек в склонности к эпигонству: «На модном слове идеал Тихонько Ленский задремал» (6, XXIII). В некоторых остро-пародийных местах романа образ юного поэта кажется как бы синтезированным из стихов сентиментальных альманахов той поры. Это касается не только стилизации стихов Ленского в духе мотивов и образов альманашной лирики и пристрастия его к типичной альманашной графике (в альбоме Ольги он «рисует сельские виды, Надгробный камень, храм Киприды Или на лире голубка Пером и красками слегка» (4, XXVII), но и определенной стилистической окрашенности образа в целом. Однако в каких бы красках ни выражалась комическая сущность образа, Пушкин никогда не забывает о другой его стороне — возвышенной, и в этом находит свое выражение художественная объективность реализма. В статье «Мнение М. Е. Лобанова о духе словесности...» Пушкин писал, что есть высоты, с которых не должны падать сатирические укоризны. Такой высотой, на которой автор не допускает даже малейшего оттенка иронии по отношению к Ленскому, является сцена гибели юноши. Острое чувство непоправимой трагической ошибки обращает мысль Пушкина, еще накануне смеявшегося над ребяческой выходкой и стихами Ленского, целиком к возвышенному содержанию образа. Мысли, устремления, поступки юного певца любви, изображение которых прежде несло в себе двойственную оценку, переносятся в план возвышенного восприятия:

Дождь буря, цвет прекрасный
Увял на утренней заре,
Потух огонь на алтаре!
(6, XXXI)

Тому назад одно мгновенье
В сем сердце билось вдохновенье,
Вражда, надежда и любовь,
Играла жизнь, кипела кровь...
(6, XXXII)

На первый план в качестве наиболее ценных черт Ленского выдвигаются высокие гражданские порывы и настроения, типичные для широкого круга дворянской молодежи декабристской поры:

... жаркое волнение,
... благородное стремление
И чувств и мыслей молодых,
Высоких, нежных, удалых...
... бурные любви желанья,
И жажда знаний и труда,
И страх порока и стыда...
(6, XXXVI).

С гибелью Ленского связаны важный сюжетный поворот и глубокие раздумья Пушкина о личной судьбе, которые звучат в фразе: «Дай оглянусь» (6, XLVI). Картина забытой могилы Ленского и недолгие слезы Ольги вновь наводят поэта на думы о собственной судьбе: «Так! равнодушное забвенье За гробом ожидает нас» (7, XI).

Воплощая на страницах романа жизнь вне какой бы то ни было идеализации, хорошо зная силу мертвящего омута ординарного дворянского существования, Пушкин вводит комически окрашенный мотив превращения восторженного мечтателя в пошлого поместного барина.

Автор «Онегина» не выносил окончательного приговора Ленскому. Он вел борьбу за новый метод всестороннего и объективного изображения жизни. Поэтому он не пошел ни на снижение образа Ленского, ни на то, чтобы изобразить его бойцом свободы. Пушкин видел, что в условиях подъема общественной борьбы люди типа Ленского могли «бессмертной славой газет наполнить нумера» (6, XXXVIII белового автографа, стр. 612), но, оторвавшись от передового движения и «угомонившись», они были обречены на обыкновенное житье-бытье. Та и другая возможности присутствуют в образе, и утверждение обязательности одной из них сузило бы его содержание. Как видим, романтический тип сознания, персонализируясь в Ленском, не отрицается полностью. Живые его традиции входят составной частью в пушкинский реализм, а застойные, изжившие себя явления комически обесцениваются Пушкиным.

В обрисовке Ленского преобладает юмор, добродушная, снисходительная усмешка автора. Однако стихия комического в романе не ограничивается мягкими формами. «Евгению Онегину» свойственно многообразие ее оттенков: от восторженного веселого юмора, смыкающегося со сферой возвышенного, до горькой иронии, подводящей нас к трагическому восприятию жизни. Но в каких бы формах комическое ни проявлялось и какие бы явления ни включало, постоянным, последовательно осуществляющимся принципом романа является взаимодействие комического с возвышенным. Этим Пушкин сбли-

зил две жизненные стихии, которые и классицисты, и романтики считали несоединимыми, противоречащими друг другу.

Во всей глубине реалистическое новаторство Пушкина первым понял Гоголь. В статье «Несколько слов о Пушкине» (1832), опираясь на опыт своего учителя, он отстаивает право современного писателя избрать любые стороны реального мира для комического их воплощения. Отрицание с высоты передового идеала, с точки зрения прогресса, позволяющее художнику подняться над фактом, произнести свой приговор событию или лицу, выступает в оценке Гоголя существенной чертой пушкинского творчества. Он видит величие Пушкина и в том, что тот умеет найти в обыкновенном, будничном возвышенный смысл. Взаимодействие комического и возвышенного явилось важной чертой реализма «Евгения Онегина». Этот принцип помог Пушкину, несмотря на лаконичную форму стихотворного романа, дать в образе одного из главных героев — Владимира Ленского глубоко типизированный психологический портрет современника.

МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ РСФСР
КРАСНОДАРСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ

От
ПУШКИНА

до
Б Л О К А

Сборник статей

КРАСНОДАР
1 9 6 8